

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(СЪ ПЛАНОМЪ).

(Воспоминанія запаснаго).

(Окончаніе).

Настала ночь,—непріятная и полная томительнаго ожиданія могущаго повториться внезапнаго штурма. Впередъ были высланы секреты, и самымъ непріятнымъ для нихъ мѣстомъ были заваленныя трупами могилки. Люди говорили, что жутко было находиться среди этихъ грудъ мертвецовъ. Нѣкоторые не могли выдержать и галюцинировали, увѣряя, что видѣли, какъ шевелились мертвецы. Впереди то и дѣло раздавались отчаянные и полные ужаса вопли брошенныхъ на полѣ японскихъ раненыхъ: Аб-а-а-а-ай,—аб-а-а-а-ай, кричали эти несчастные гдѣ-то далеко въ темнотѣ, зовя вѣроятно санитаровъ къ себѣ на помощь, но никто къ нимъ не шелъ, и они вѣроятно умерли, не получивъ ни отъ кого помощи, ни утѣшенія въ свой ужасный смертный часъ! Быть можетъ песь-людоедъ подходилъ къ такому несчастному и терпѣливо ждалъ,—когда можно будетъ приступить къ своему ужасному ужину. Сколько невыразимыхъ ужасовъ несетъ за собой этотъ бичъ, который называется войной.

Удивительно то, почему японцы, находясь въ очень близкомъ разстояніи отъ насъ и, конечно, слыша эти раздирающіе вопли о помощи, все же не постарались подать таковой своимъ же братьямъ. Какъ помирить это съ тою заботливостью о солдатѣ, которая говоритъ сама за себя въ японской арміи, гдѣ солдату представлено

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1910 г.

все то, что только можно дать ему въ трудной обстановкѣ походной жизни. И на-ряду съ этимъ — такое индифферентное отношеніе къ тѣмъ, которые пожертвовали уже собой для родины. Думаю, что въ данномъ случаѣ было исключеніе изъ общаго правила въ силу какого-то страннаго недоразумѣнія. Ночь прошла безъ тревогъ, хотя люди стояли все время съ оружіемъ въ рукахъ. Нѣкоторые не могли побороть дремоты и, положивъ голову на брустверь, похрапывали; но все же большинство бодрствовало, относясь къ этому вполне сознательно.

Изъ секретовъ доносили, что японцы спѣшно все время передвигались на сѣверъ, идя туда огромными силами. Видно было, какъ они освѣщали себѣ путь фонариками, и слышно было, какъ громы-хали въ темнотѣ ихъ орудія и обозы. Очевидно они продолжали выполнять задуманный ими грандіозный обходъ нашего праваго фланга, а тѣ бѣшенныя атаки, которыя они вели на Янсытунъ и другіе смежныя съ нимъ пункты, были произведены только для того, чтобы приковать насъ къ мѣсту и не дать возможности противо-дѣйствовать ихъ обходу. Удивительная настойчивость въ достиженіи разъ намѣченной цѣли,—настойчивость, которая не допускаетъ веденія учета затраченныхъ на достиженіе цѣли жертвъ; но на войнѣ такъ и надлежитъ поступать, и тѣ доблестныя полки, которыя почти поголовно полегли подъ Янсытунемъ, Фогантунемъ и другими пунктами, конечно заранѣе были облечены на вѣрную гибель, ради общей пользы. Идя съ беззавѣтной храбростью въ атаку, они, быть можетъ, и знали про ту святую миссію, которая была на нихъ возложена, и они шли на вѣрную смерть и умирали съ полнымъ сознаниемъ необходимости умереть,—умирали, быть можетъ, съ радостью за свою безумно любимую ими родину.

Утромъ въ Нингуантунѣ замѣтно было нѣкоторое оживленіе. Ясно было видно, какъ японцы усиленно работали, стараясь поспѣшно возвести окопы между фанзами деревни. Надо думать, что передъ нашимъ фронтомъ у нихъ осталось ничтожное количество войскъ, такъ какъ все, что можно было двинуть въ обходъ, они двинули, и вотъ теперь эти оставшіяся части должны были на случай нашего перехода въ наступленіе сдержать насъ во что бы то ни стало, иначе если бы намъ удалось прорвать ихъ, — вся армія, которая пошла въ походъ, очутилась бы зажатою въ тискахъ, а это было почти безвыходное положеніе. Очевидно японцы шли что называется „ва банкъ“ и шли настойчиво и рѣшительно и вотъ для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь увеличить шансы своей ставки, они теперь и работали надъ возведеніемъ окоповъ.

Въ то же время около Нингуантуня стояло огромное облако

пыли, поднятое вѣроятно колонной войскъ, продолжавшей уходить на сѣверъ. Это, вѣроятно, были уже послѣднія изъ тѣхъ частей, которыя были посланы въ обходъ. Но и здѣсь непріятель не могъ не хитрить: отлично понимая, что громадное облако пыли не можетъ остаться нами не замѣченнымъ и все же желая во что бы то ни стало скрыть свои намѣренія, они прибѣгли къ слѣдующему: одиночные люди, отдѣлившись отъ общей колонны и взойдя нарочно на бугорки съ тѣмъ, чтобы ихъ было ясно видно, двигались въ южномъ направленіи т. е. очевидно въ сторону, противоположную общему движенію. Потомъ эти люди скрывались за бугорками и догоняли свои роты. Цѣль достигалась, и иллюзія получалась полная, но и мы были не дѣти и, воздавъ должное своему противнику за его изобрѣтательность, все же ему не повѣрили. Артиллерія наша почему-то молчала, хотя она отлично могла бы обстрѣлять это огромное и густое облако пыли, которое скрывало въ своей средѣ не одну тысячу спѣшно стремящихся на сѣверъ солдатъ; могла бы она и по Нингуантуню пострѣлять, дабы помѣшать сапернымъ работамъ непріятеля, но и этого она не сдѣлала, вѣроятно потому, что нужно было экономить снаряды.

У насъ упорно ходили слухи о переходѣ въ наступленіе; въ нашей дивизіи были даже распределены для этого полки, и каждому назначена задача. Ожидали только подхода колоннъ генерала Гернгросса, но онѣ почему-то не появлялись, и всѣ говорили, что произошла какая-то заминка. А между тѣмъ войскъ у насъ собралось множество, и вотъ уже теперь не могу съ точностью припомнить, но кажется, утромъ 23 февраля изъ редута отлично было видно, какъ со стороны Мукдена къ мѣсту расположенія нашихъ резервовъ—къ деревнѣ Таапу спѣшно двигались колонны нашихъ войскъ. Онѣ шли въ облакахъ пыли и въ разжиженномъ строю, такъ какъ непріятель сильно обстрѣливалъ ихъ артиллерійскимъ огнемъ, но они, не обращая на это вниманія, все шли и шли безконечной массой. Солдаты, глядя на эту подмогу радовались, говоря, что теперь такая силища сюда поднаперла, что японцы ни въ жисть не устоятъ, и что мы безпремѣнно его задавимъ, коли пойдемъ впередъ. Но ничего этого не осуществилось и впередъ мы не пошли; японецъ же стоялъ себѣ да стоялъ, конечно не бездѣйствуя, а стараясь выполнить все то, чтобы достигнуть разъ намѣченной цѣли.

Удивительная нерѣшительность была проявлена нами въ данномъ случаѣ. Конечно, не хочу и не могу пускаться въ критику, потому что слишкомъ мало освѣдомленъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ, но съ точки зрѣнія грамотнаго и оцѣнивающаго обстановку солдата, дѣйствія наши являются совершенно непонятными.

Трудно понять вотъ что: фактъ, что японцы предприняли обходъ нашего праваго фланга, сталъ намъ извѣстенъ еще съ первыхъ дней Мукденскаго боя; то что они неустанно къ этому стремились во весь періодъ этого безпримѣрнаго въ исторіи боя—тоже было всѣмъ извѣстно, и наконецъ здѣсь въ Янсытунѣ мы видѣли, что они все тянутъ и тянутъ свои войска на сѣверъ, а слѣдовательно неминуемо ослабляютъ и ослабляютъ свой фронтъ. Выводъ отсюда ясенъ: надо бить туда, гдѣ слабо, чтобы скорѣе пробить брешь; разъ же это удалось бы—какая огромная польза получилась бы для общаго дѣла, и какой бы смертельный ударъ былъ бы нанесенъ японской арміи, значительная часть которой очутилась бы въ критическомъ положеніи и при условіи удачи нашего удара, внѣ всякаго сомнѣнія,—либо вся погибла бы, либо положила бы оружіе, и кампанія такимъ образомъ была бы окончена нами побѣдоносно. Но на все это нужно было рѣшиться, но мы въ теченіе всей войны только то и дѣлали, что не рѣшались и теперь продолжали проявлять это отрицательное качество въ полной мѣрѣ.

Непонятнымъ является и тотъ фактъ,—почему не шла впередъ вся первая армія. Нельзя было не знать, что силы непріятеля передъ фронтомъ этой арміи значительно ослаблены, потому что и отсюда японцы оттянули часть войскъ въ свою грандіозную обходную колонну, но первая армія, кажется, тоже была прикована къ мѣсту и никакой активной дѣятельности не проявляла.

Конечно, еще разъ повторяю, что совсѣмъ не намѣренъ критиковать всѣ эти событія, но не удивляться имъ нельзя, хотя навѣрно были какія-нибудь причины, вызывавшія всю эту невыгодную для насъ серію дѣйствій и поступковъ, приведшихъ насъ въ концѣ концовъ почти къ катастрофѣ.

Цѣлый день 24 февраля мы провели въ полномъ бездѣйствіи, изрѣдка только перестрѣливаясь съ непріателемъ и получая отъ него неожиданные гостинцы въ видѣ шестидюймовыхъ бомбъ и прочихъ снарядовъ. Отъ нечего дѣлать многіе ходили по полю, усѣянному трупами, и разглядывали мертвецовъ.

Все это были почти юноши, — безусые и безбородые; мѣстами трупы были навалены другъ на друга въ видѣ груды: какъ шли, такъ и валялись съ тѣмъ, чтобы уже никогда не подняться; нѣкоторые лежали на спинахъ, съ положенными на груди кучками сухарей; это были тяжело раненые, которыхъ нельзя было уже взять—до того они были искалѣчены; сухари же, которые лежали на груди у этихъ несчастныхъ, были положены рукою нашего сердобольнаго солдата, который умѣетъ жалѣть своего бывшего врага, разъ только онъ пересталъ быть таковымъ. Солдаты, расха-

живая между поверженными японцами, видѣли такихъ раненыхъ, которые чуть только были живы, и вотъ, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь имъ, клали имъ на грудь свои сухари: если, молъ, „очухается“, да ѣсть захочетъ, такъ было бы что поѣсть. Но эти люди такъ и не очухались и лежали теперь закоченѣвъ въ вѣчномъ покоѣ и, конечно, не помышляя уже о томъ насущномъ хлѣбѣ, который былъ имъ данъ любящею рукою передъ переходомъ въ вѣчность.

Вечеромъ 24 было тихо. О колоннѣ генерала Гернгросса, на которую всѣ уповали, ничего не было слышно; да теперь какъ-то мало и говорили про эту колонну, потому что сознавали, что произошла какая-то заминка въ выполненіи плана, и всѣ какъ-то инстинктивно сознавали, что у насъ творится что-то такое странное и что въ недалекомъ будущемъ намъ прійдется пережить грандіозную катастрофу.

Сердце человѣческое никогда не ошибается, и если на него находитъ какая-то безысходная тоска, причины которой никакъ не можетъ разгадать умъ, то всегда нужно вѣрить сердцу, такъ какъ оно способно предугадывать событія.

Такъ было и теперь. Помню, что почти всѣ мы испытывали приступы какой-то безысходной и ужасной тоски, чувствовали, что надъ нашей арміей виситъ что-то недоброе — зловѣщее, чего такъ хотѣлось избѣжать и чего нельзя было избѣжать, будучи составною частицей этой арміи; а она должна была теперь за свои грѣхи и чужіе принести собою искупительную жертву. Тяжело, очень тяжело было подъ гнетомъ этихъ мрачныхъ предчувствій и не дай Богъ кому-либо пережить все то, что мы пережили какъ въ эту роковую ночь, такъ равно и въ теченіе всего слѣдующаго дня.

Часа въ два ночи съ 24 на 25 февраля принесли записку отъ начальника дивизіи. Этотъ маленькій лоскутокъ бумаги содержалъ въ себѣ роковое извѣстіе о томъ, что мы должны какъ можно тише и осторожнѣе отступать къ Мукдену. Насъ оповѣщали о томъ, что полкъ нашъ будетъ смѣненъ въ редутъ баталіономъ другого полка и тогда, по сдачѣ редута, мы должны будемъ отходить на Мукденъ, гдѣ и получимъ дальнѣйшія указанія.

Это извѣстіе повергло всѣхъ въ еще большее уныніе. Опять это невыносимое отступленіе и, конечно, подъ напоромъ непріятеля, опять неминуемый беспорядокъ, неизбежный страхъ и всѣ эти не-носные часы, которые приходится выносить всякой отступающей части. Да будетъ проклятъ тотъ часъ, въ который рѣшено было вести эту войну на отступательныхъ маршахъ.

Только часовъ около 4 ночи прибылъ къ намъ баталіонъ дру-

того полка, и роты одна за другой вводились въ редутъ и приспособлялись на новыхъ мѣстахъ.

Процедура смѣны войскъ происходила слишкомъ медленно: ночь была темная, а пришедшая на смѣну часть совершенно не была ознакомлена съ нашимъ редутомъ, не зная гдѣ и какой глубины вырыты рвы, гдѣ устроены ступеньки, траверзы и т. п.

Неуклюжіе, закутанные въ башлыки, съ туго натянутыми на полшубки шинелями и съ огромными, набитыми разнымъ ненужнымъ хламомъ мѣшками, солдаты пришедшаго баталіона производили впечатлѣніе какихъ-то неуклюжихъ и косолапыхъ мужиковъ; они ощупью спускались въ ровъ редута, сощѣли, кряхтѣли, спотыкались, падали и все шли и шли безконечной вереницей, и казалось, что скоро въ редутѣ не будетъ уже и мѣсть: такъ они его заполнили своими громоздкими фигурами.

Смѣна производилась по-ротно, и когда прибывающая рота вся втягивалась въ редутъ, то она становилась въ линію на днѣ рва на протяженіи ротнаго участка; наши люди въ это время стояли на ступенькахъ; потомъ по командѣ наши поворачивались направо или налево и начали гуськомъ выходить изъ редута, а пришедшіе постепенно занимали ихъ мѣста. Потомъ такимъ же образомъ продѣлывалось съ другой ротой и т. д.—пока не смѣнились всѣ. Послѣ этого смѣнились секреты.

Роты, по выходѣ изъ редута, отправлялись въ деревню на сборный пунктъ, гдѣ и ждали, пока соберется сюда весь полкъ.

Японцы къ счастью насъ не тревожили, и смѣна произошла вполне благополучно, хотя было жутко въ то время, когда въ редутѣ получилось слишкомъ большое скопленіе людей и когда отъ тѣсноты невозможно было проникнуть въ ту или его иную часть. Если бы въ это время вдругъ разгорѣлась бы ружейная перестрѣлка, или еще хуже — началась бы артиллерійская канонада, то результаты могли бы быть очень плачевные. Хуже нѣтъ, когда опасность застаётъ людей собранныхъ въ беспорядочную густую толпу, которая всегда очень быстро поддается вліянію ужаса и дѣлается обыкновенно жертвою паники. Помню за все время смѣны раздался только одиночный японскій выстрѣлъ, и пуля пролетѣла надъ редутомъ. Всѣ замерли, думая что вотъ-вотъ начнется огонь, а за нимъ быть можетъ и штурмъ, но прошла минута томительнаго ожиданія, и по-прежнему все было тихо кругомъ.

Вѣроятно въ началѣ пятаго часа полкъ нашъ тронулся изъ Янсытуня и потянулся по Мукденской дорогѣ, идя по утреннему холодку къ городу.

Востокъ уже свѣтился, и мы быстро шагали по гладкой укатан-

ной дорогѣ, стараясь какъ можно скорѣе выйти изъ сферы артиллерійскаго огня. Каждому было очень хорошо извѣстно, что непріятель могъ бросать свои бомбы и шимозы версты на четыре на пять за Янсытунь, и намъ нужно было во что бы-то ни стало до наступленія свѣта пройти эти пять верстъ, дабы не подвергнуться напрасному разстрѣливанію. Къ счастью намъ это удалось сдѣлать и, отмахавъ верстъ восемь, мы къ разсвѣту подошли къ какой-то деревушкѣ, гдѣ нагнали нѣкоторые полки нашей же дивизіи, прибывшей сюда раньше насъ.

Здѣсь мы узнали, что впереди насъ ждетъ полная неопредѣленность. Одни говорили, что отходимъ только до Мукдена, гдѣ будто бы рѣшено принять жестокой бой; другіе увѣряли, что войска уже почти всѣ прошли черезъ городъ и уже отходятъ къ Тѣлину, и что мы только одни остались въ тылу, дабы сдержать напоръ противника. Говорили, что Мукденъ весь горитъ, и всѣ бывшіе тамъ склады и лазареты уже подожены нами. И дѣйствительно мы видѣли, что этотъ огромный городъ весь закутанъ непроницаемыми облаками дыма. Говорили также, что дорога отъ Мукдена на Тѣлинь силошъ запружена какими-то обозами и парками, и что нѣтъ возможности двинуться дальше ни на шагъ; а японцы вотъ-вотъ перехватятъ всю эту массу обозовъ и перерѣжутъ намъ путь. Не хотѣлось этому вѣрить, но зловѣщія облака дыма, повисшія мрачно надъ городомъ, да грохотъ усиленной канонады со стороны сѣверо-запада — то есть какъ разъ на пути нашего отступленія говорили, что носящіеся слухи имѣютъ основаніе.

Сердце щемило отъ боли, и на глазахъ выступали горькія слезы. Что дѣлають.—Боже Ты мой, говорили грустно солдаты. Ишь сколько добра зря пожгутъ. Ну и война, сколько японца наколотили, а все отходи отъ него проклятаго.

Люди были озлоблены, понявъ что ихъ дѣло не оцѣнено начальствомъ, что ихъ храбрость и самоотверженіе прошли какъ-то мимо глазъ, и вотъ теперь снова приходится испытывать и переживать мучительные и томительные часы отступленій — невыносимыхъ и тягостныхъ.

Мы подошли, наконецъ, къ городу и тутъ остановились у полотна желѣзной дороги. Правѣ насъ медленно тянулась какая-то артиллерія, за нею шла пѣхота, потомъ опять артиллерія, и все это ползло медленно, безпрестанно останавливаясь и постепенно исчезая въ дыму огромнаго пожарища, которое пировало теперь въ городъ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Очевидно, насъ остановили затѣмъ, чтобы пропустить эту безконечную и медленно ползущую кишку, которая невѣдомо откуда

тянулась и куда втягивалась. Спасибо храброму и незабвенному генералу Церпицкому. За послѣднее время мы были въ составѣ его отряда, и теперь онъ былъ тутъ же съ нами. Пропуская мимо себя полки, онъ благодарилъ насъ за нашу стойкость, говорилъ, что любовался ею и самъ кричалъ въ нашу честь громкое ура. Мы отвѣчали молодцу генералу тѣмъ же крикомъ, и это поддержало насъ и заставило сердце биться надеждою на что-то лучшее и свѣтлое.

Наконецъ идущая правѣе насъ колонна прошла и намъ было приказано двигаться. Нашъ полкъ былъ оставленъ въ самомъ хвостѣ колонны, и долго еще мы стояли на мѣстѣ, дожидаясь своей очереди, а на сѣверо-западѣ все сильнѣе и сильнѣе разгорался бой. Гдѣ-то вправо безпрестанно рвались снаряды. Сначала думали, что это начали уже падать непріятельскія шимозы, но потомъ убѣдились въ томъ, что это горятъ наши склады и въ пламени взлетаютъ на воздухъ ящики со снарядами. Съ этой же стороны слышался непрерывный трескъ рвущихся въ огнѣ патроновъ.

Японцы съ тыла насъ пока не тревожили.

Наконецъ мы тронулись. Помню передъ началомъ движенія кто-то мнѣ передалъ два письма. Одно оказалось съ далекой родины. Я наскоро пробѣжалъ это дорогое письмо, и еще печальнѣе стало на душѣ. Тамъ они знаютъ уже про наше невыносимо тяжелое положеніе, чувствуютъ, что у насъ тутъ творится что-то невозможное, безобразное и безпримѣрное. Они тамъ — въ далекой глуши заброшенной въ лѣсахъ деревеньки, мучаются за насъ и со слезами молятъ Бога, чтобы Онъ помогъ бы намъ выполнить до конца свой долгъ и отстоять честь своей земли въ этой трудной борьбѣ. Дорогие и милые люди, да развѣ мы не выносимъ возложеннаго на насъ бремени, развѣ не стойко мы дрались все время съ нашимъ доблестнымъ противникомъ, но чѣмъ же мы виноваты, что вотъ и теперь дѣлаемъ все то же, что дѣлали раньше: отходимъ, отступаемъ послѣшно, какъ бы бѣжимъ и не будучи въ состояніи захватить съ собой тѣ несмѣтные запасы, которыхъ тутъ сложено на милліоны и десятки милліоновъ рублей, мы ихъ жжемъ самымъ безжалостнымъ образомъ, и этотъ смрадный дымъ застилаетъ теперь собою весь горизонтъ и тянется къ небу огромными тяжелыми и мрачными тучами. Молитесь за насъ всѣ, у кого въ груди еще осталась жалость къ намъ; да поможетъ намъ Господь принести собою искупительную жертву за свои и чужіе грѣхи. Помню, я разорвалъ письмо на мелкіе кусочки, и они разлетѣлись по вѣтру.

Другое было отъ товарища изъ Никольска Уссурійскаго. Пишетъ, что живутъ совершенно на мирномъ положеніи, скучаютъ и бездѣльничаютъ. Невольно на минуту переносишься и туда мыслью

и съ трудомъ представляешь себѣ картину мирнаго положенія. Здѣсь такъ привыкаешь ко всѣмъ этимъ трупамъ, пушкамъ, крови и снарядамъ, что какъ-то даже перестаешь вѣрить въ то, что есть гдѣ-то такія мѣста, гдѣ люди живутъ безъ всего этого. И это письмо также разорвано въ клочки и брошено по вѣтру.

„Шагомъ маршъ“, слышится команда, и мы начинаемъ движеніе, идя въ хвостѣ безконечной колонны. Вотъ желѣзно-дорожная насыпь; она высока и что дѣлается по ту ея сторону—намъ пока не видно. Мы подходимъ къ насыпи, поднимаемся на нее, и картина огромнаго пожарища предстаетъ передъ нами. Въ дали какой-то туманъ, который закуталъ собою весь городъ. Онъ прятался отъ насъ тогда, когда мы, окрыленные надеждою на успѣхъ, подъѣзжали къ нему на поѣздѣ; вотъ и теперь мы послѣ кровавыхъ боевъ, послѣ всего пережитаго тяжелаго и грустнаго снова подходимъ усталые и нервно разбитые къ этому древнему таинственному сфинксу, и онъ снова, какъ бы, не желая, чтобы мы его видѣли, закуталъ себя непроницаемой пеленой. Тогда было такое же тихое и свѣтлое утро и надъ городомъ висѣла неподвижная дымная пелена, и теперь та же пелена, но она не неподвижна; она вся въ движеніи, поднимаясь къ синему небу огромными столбами и клубами, и эти клубы ползутъ въ морозномъ утреннемъ воздухѣ и медленно расходятся въ вышинѣ въ огромное и тяжелое облако, а съ низу поднимаются все новые и новые столбы и кажется, что вся земля загорѣлась и что нѣтъ прохода черезъ это могучее пожарище: — но войска все идутъ и идутъ и, напирая другъ на друга, исчезаютъ среди могучихъ столбовъ пламени и дыма.

Мы проходимъ черезъ желѣзнодорожную насыпь и, пройдя съ полверсты отъ послѣдней, вступаемъ въ сферу пожарища. Вотъ тѣ самые бараки-землянки, въ которыхъ мы ночевали, придя въ Мукденъ послѣ того, какъ разгрузились съ поѣзда; они не горятъ, а тлѣютъ, испуская густые клубы дыма. Вотъ госпитали, частью уже брошенные, частью еще занятые, гдѣ тогда—въ ночь нашего прихода—было такъ чисто и уютно. Теперь тутъ полный хаосъ: нѣкоторыя постройки уже горятъ такимъ сильнымъ пламенемъ, что становится жарко,—тѣ же, которыя еще не объаты пламенемъ, терпѣливо ждутъ своей печальной участи. Вотъ при насъ загорается какой-то небольшой баракъ, и густое темно-фіолетовое облако дыма сгущаетъ собою и безъ того мрачныя краски. Это, вѣроятно, загорѣлись медикаменты.

Больные, которые могутъ ходить, выскакиваютъ изъ бараконъ и въ ужасѣ разбѣгаются въ разныя стороны. Къ нашему полку присоединяется какая-то высокая и худая фигура, съ блѣднымъ

лицомъ и съ лихорадочно-горящими безумными глазами. Фигура одѣта въ халатъ, а на головѣ у нея—не то повязка, не то колпакъ. Это оказался сумасшедшій солдатъ. Онъ становится въ ряды нашего полка и маршируетъ вмѣстѣ съ нашими солдатами, какъ-то дико припрыгивая и временами издавая какіе-то вопли. Нѣсколько сестеръ милосердія беспомощно стоятъ, не зная, что имъ дѣлать. Ихъ бросаютъ въ Мукденъ, потому что не успѣли вывезти изъ него всѣхъ больныхъ и раненыхъ. Онѣ тоскливо ждутъ своей участи и просятъ у насъ хоть немного хлѣба, потому что больнымъ нечего ѣсть.

Вотъ около огромнаго длиннаго шатра стоятъ мрачная и попурая фигура пожилого монаха. „Вотъ, говоритъ онъ: не знаю, что я съ ними буду дѣлать“—и онъ отдергиваетъ полотно, закрывающее входъ въ шатеръ, и мы убѣждаемся, что онъ чуть ли не биткомъ набитъ мертвецами. Дѣйствительно, положеніе этого монаха незавидное, но рѣшилъ выполнить свой истинно-христіанскій долгъ и не бросать этихъ, отшедшихъ въ вѣчность, воиновъ, надѣясь все же всѣхъ ихъ предать землѣ и вознести въ послѣднюю минуту свою молитву о душахъ этихъ мучениковъ.

Мы все идемъ и идемъ, и все никакъ не можемъ выбраться изъ этого пламени, дыма и смрада.

Вотъ огромные интендантскіе бунты. Чего тутъ только нѣтъ: лежатъ цѣлыя кучи мороженыхъ тушъ мяса, огромныя горы ящиковъ съ консервами, жмыхи, сложенные въ гигантскіе скирды, громадныя запасы сухарей, мѣшки, вѣроятно, съ крупой и съ овсомъ;—все заготовлено въ изобиліи и все это брошено и будетъ или расхищено жителями, взято японцами, или же, попросту—сожжено. Уже и теперь видно, какъ къ этимъ складамъ цѣлой вереницей спѣшатъ китайцы, и какъ они бѣгутъ оттуда, унося на своихъ бамбуковыхъ коромыслахъ тяжелые мѣшки. Они торопятся, боясь, что вотъ-вотъ придутъ сюда японцы, и тогда имъ конечно нельзя будетъ поживиться чужимъ добромъ, потому что японцы—народъ строгій и любящій порядокъ.

Мы доходимъ до какой-то огромной старинной пагоды и на площади застаемъ цѣлый полкъ. Люди сидятъ на землѣ и заняты переобуваніемъ. По дорогѣ имъ гдѣ-то удалось раздобыться новою обувью, и теперь они бросаютъ тутъ же свои старые и рваные валенки, а вмѣсто нихъ надѣваютъ новую обувь. Черезъ нѣсколько минутъ полкъ уходитъ, и вся площадь оказывается усѣянной рваною солдатскою обувью.

Хорошо хоть то, что своимъ досталась эта обувь.

Далѣе цѣлыя вереницы солдатъ лежатъ въ разныхъ позахъ

около дороги. Вы думаете, что они повалились отъ переутомленія, — нѣтъ, если вы къ нимъ подойдете, то убѣдитесь, что всѣ они мертвецки пьяны; напились они, благодаря, во-первыхъ, собственной распущенности, а также и потому, что кто-то не догадался въ время припрятать запасы спирта отъ проходящихъ войскъ. Говорили потомъ, что разныя тыловыя части и вообще всякая нестроевица набросились на бочки со спиртомъ и, разбивъ ихъ, напились до безчувственнаго состоянія и повалились на землю для того, чтобы проснуться въ плѣну у японцевъ, или же совсѣмъ не проснуться подъ непріятельскимъ штыкомъ.

Говорили, что такихъ пьяницъ попало въ плѣнъ нѣсколько тысячъ, и что японцы многихъ изъ нихъ прикончили, а къ тѣмъ, которые остались живы, относились съ великимъ презрѣніемъ. Да и было за что.

Наши солдаты, проходя мимо всего этого, съ негодованіемъ плевали, говоря:— „Бога у людей нѣтъ, чтобъ въ такое время пьянымъ напиваться“.

Много тяжелыхъ и грустныхъ картинъ пришлось увидѣть намъ на этомъ по-истинѣ скорбномъ пути, но все же самое-то главное и самое тяжелое ожидало насъ впереди.

Наконецъ, послѣ долгихъ остановокъ и задержекъ, послѣ невѣроятной путаницы и толкотни при прохожденіи узкихъ мѣстъ, намъ удалось выбраться изъ сферы пожарищъ.

Видна необыкновенно красивая, въ чисто китайскомъ стилѣ, арка, граничащая собою предѣлы города. Она великолѣпна—эта художественно составленная изъ отдѣльныхъ кусковъ дерева арка; вся она окрашена въ самые разнообразныя цвѣта, а ея гигантская крыша, съ загнутыми краями такъ изящно и легко покоится на тонкихъ столбахъ. Сколько чисто восточнаго вкуса проявилъ строитель этой арки въ своемъ произведеніи! Но намъ нѣтъ времени любоваться ею, и мы проходимъ мимо, бросивъ мимолетный взглядъ и оцѣнивъ всю красоту и изящество этой постройки.

Потомъ мы подходимъ къ какому-то каменному мосту, переброшенному черезъ неширокую канаву, и здѣсь останавливаемся, потому что впереди образовалась пробка изъ какихъ-то обозовъ, двуколокъ и ящиковъ, которые столпились около моста и никакъ не могутъ распутаться. Стоимъ здѣсь съ полчаса и затѣмъ трогаемся далѣе.

Впереди часто громыхаютъ орудійныя выстрѣлы, позади же насъ все пока спокойно.

Намъ кажется, что позади насъ уже нѣтъ нашихъ войскъ, потому что все, что было, то прошло длинной вереницей мимо насъ

еще тогда, когда мы стояли близъ желѣзнодорожнаго полотна. И эта полная неизвѣстность о томъ, что дѣлается позади, волнуетъ людей. Они думаютъ, что вотъ-вотъ по пятамъ за ними идутъ японцы, идутъ спѣшно съ желаніемъ настигнуть хвостъ нашей колонны и начать насъ разстрѣливать чуть-ли не въ упоръ, пользуясь множествомъ закрытій, а также и тѣмъ, что все время намъ приходится двигаться въ густой колоннѣ и нѣтъ возможности развернуться въ боевой порядокъ.

При такихъ условіяхъ, рота отважныхъ смѣльчаковъ можетъ надѣлать чудесъ: вообразите, что въ силу закупорки пути, приходится ждать, стоя на мѣстѣ, пока не освободится проходъ—и въ это время вдругъ сзади загрохотала бы перестрѣлка; пули роемъ несутся въ густую массу людей, очень легко отыскивая свои жертвы. Люди начинаютъ валиться одинъ за другимъ, но непріятель невидимъ: онъ стрѣляетъ бездымнымъ порохомъ и предварительно постарался себя хорошо укрыть. Начинается смятеніе; люди сознаютъ, что укрыться отъ огня некуда и что приходится гибнуть даромъ.

Ожиданіе подобной катастрофы и составляетъ собою весь ужасъ и весь трагизмъ во время отступленія. Вы сознаете, что все это вполне возможно и допустимо и что если, не дай Богъ, оно совершится, то возможна катастрофа, и это-то больше всего и нервируетъ васъ, заставляя все время учащенно биться ваше сердце и нервно прислушиваться къ тому, что слышно позади. Не дай Богъ кому-либо переживать что-нибудь подобное въ жизни.

Мы переходимъ, наконецъ, черезъ каменный мостъ, поворачиваемъ затѣмъ влѣво и идемъ около какихъ-то богатыхъ и большихъ фанзъ и такъ доходимъ до окраины города. Здѣсь дорога пролегаетъ у подножія высокой городской стѣны, которая вся усыяна глазѣющими на насъ китайцами; здѣсь десятки тысячъ: всѣ они смотрятъ на насъ, нагло смѣются надъ нашей неудачей, но большинство держитъ себя корректно. Мы же проходимъ передъ этой многотысячной толпой, чувствуя невольное униженіе передъ нею.

Мы продолжаемъ нашъ путь среди безчисленныхъ могильныхъ холмовъ, тѣхъ самыхъ, которые мы видѣли съ поѣзда, подѣзжая къ Мукдену.

Вдали снова видно полотно желѣзной дорога, и теперь мы идемъ прямо на него, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать по грунтовому пути, проложенному по обѣимъ сторонамъ полотна.

А впереди все бухаютъ и бухаютъ пушки. Тамъ идетъ жестокой бой и кажется страннымъ—какъ онъ могъ разгорѣться на пути нашего отступленія. Неужели непріятель уже перерѣзалъ намъ

дорогу?... Мы знаемъ, что на востокъ отъ насъ наша первая армія, — не можетъ же она отойти раньше насъ и допустить японцевъ стать на нашемъ пути. Это невозможно, — тутъ что-нибудь другое, но червь сомнѣнія уже закрадывается въ душу.

Доходимъ до полотна и здѣсь почему-то приказано остановиться: — вѣроятно опять кого-нибудь пропускаемъ впередъ. Люди грузно валятся на землю и нѣкоторые быстро засыпаютъ, пригрѣтые полдненнымъ февральскимъ солнцемъ. У меня начинаютъ слипаться глаза и подъ звуки канонады начинаешь сладко дремать. Выстрѣлы слышны все глуше и глуше и вскорѣ ихъ перестаешь совсѣмъ слышать и постепенно переносишься въ міръ грезъ и фантазій.

„Встать—шагомъ маршъ!“ — раздается гдѣ-то команда.

Нервно вскакиваешь, хватаешь въ руки винтовку и начинаешь шагать по пыльной дорогѣ... И вдругъ съ правой стороны—съ востока слышится въ воздухѣ знакомый и непріятный шелестъ, потомъ что-то мощно ударяетъ въ землю, видно облако бураго дыма, — слышится громкій трескъ и визгъ.

Началось — мелькаетъ въ головѣ мысль. Апатіи и усталости какъ не бывало и весь обращаешься въ слухъ и вниманіе.

А непріятель не медлитъ: онъ энергично началъ забрасывать насъ снарядами. Въ воздухѣ—непрерывный визгъ осколковъ шимозъ, разрывы шрапнелей, вой пуль—и все это летитъ въ густую массу людей, которые не ожидали столь внезапнаго и ужаснаго сюрприза. Убитые и раненые валятся безпрестанно.

Полкъ нашъ спѣшно перестраивается въ линію ротъ и беретъ направленіе на впереди лежащую деревню.

Мы проходимъ мимо какого-то другого полка, который залегъ вдоль желѣзно-дорожной насыпи. Офицеры этого полка собрались видимо на совѣщаніе, но скоро имъ придется его прекратить потому, что и съ сѣверо-запада начинаютъ изрядно пострѣливать. Насъ, очевидно, взяли подъ перекрестный огонь и рѣшили разстрѣливать: до тѣхъ поръ, пока мы всѣ здѣсь не поляжемъ такъ глупо и безцѣльно.

Взявъ направленіе на деревню, мы стремимся къ ней, идя по открытому полю и все время теряя людей. Наконецъ доходимъ до этой деревни, названіе которой оказывается „Вазье“. Это названіе будетъ увѣковѣчено въ исторіи.

Придя въ деревню, мы собираемся въ глубокомъ оврагѣ для того, чтобы хоть немного устроиться и привести въ извѣстность понесенныя нами потери, но къ командиру полка подъѣзжаетъ адъютантъ генерала Церпицкаго и именемъ генерала приказываетъ

немедля занять южную и западную окраины деревни. Мы идемъ по указанному направленію, занимаемъ стѣнки. Пули сочно чмокаютъ стѣны фанзъ. По всему видно, что противникъ недалеко. Къ командиру полка подскакиваетъ тотъ же адъютантъ и требуетъ его къ генералу для полученія отъ послѣдняго личныхъ приказаній. Мы идемъ за командиромъ и долго ищемъ генерала, но его нигдѣ нѣтъ. Здѣсь находимъ какую-то сестру, которая безпомощно и одиноко стоитъ около брошенной санитарной повозки. Взоръ этой бѣдной усталой женщины выражаетъ глубокую и тяжелую тоску и муку. Она въ совершенно безпомощномъ положеніи—одна—около своей повозки, въ которую впряжена измученная лошадь, и эта послѣдняя тоже стоитъ, понуря голову. Все теперь пропало и нѣтъ спасенія—выражаетъ собою эта печальная группа.

Пули всюду сверлятъ воздухъ и непрерывно слышны ихъ „сочные поцѣлуи“ съ глиняными стѣнами фанзъ и заборовъ.

— Не видали ли генерала Церпицкаго, спрашиваетъ нашъ полковникъ у бѣдной женщины.

— Онъ раненъ, ему сдѣлали перевязку и увезли отсюда, а куда—не знаю—отвѣчаетъ она.

Мы идемъ къ кумирнѣ, которая видна тутъ же на горкѣ. Полковникъ, изнеможенный до крайности, съ больной перевязанной рукой валится на грудь камней и проситъ воды. Одинъ изъ насъ бѣжитъ къ колодцу и приноситъ воду.

Адъютанту приказано вести полкъ сюда же къ кумирнѣ, т.-к. очевидно, за выbytіемъ генерала Церпицкаго, вопросъ относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій долженъ рѣшаться по собственной инициативѣ и предположено, въ виду полной неопредѣленности дѣйствій, въ виду полного незнанія обстановки, двигаться на сѣверъ, гдѣ снова подойти къ полотну желѣзной дороги и тамъ постараться нагнать прочіе полки нашей дивизіи, которые, надо думать, ушли уже значительно впередъ, т.-к. во-первыхъ, они шли все время впереди насъ, а во-вторыхъ, не были задержаны въ Вазье, какъ былъ задержанъ нашъ полкъ.

Проходитъ полчаса, и полкъ, идя въ колоннѣ по отдѣленіямъ, подошелъ къ кумирнѣ и отсюда, взявъ направленіе на сѣверъ, пошелъ параллельно желѣзной дорогѣ, держась отъ послѣдней въ разстояніи около версты.

Едва только полкъ успѣлъ вытянуться изъ деревни, какъ со стороны желѣзной дороги въ насъ полетѣли неприятельскія пули. Слышно было, какъ забарабанилъ пулеметь, и видны были ясно черныя фигурки японцевъ, которые, перебѣжавъ полотно жел. дороги, поддерживаемые частымъ огнемъ съ насыпи, стремились впе-

редъ, чтобы подойти къ намъ на болѣе близкое разстояніе и нанести намъ возможно большій вредъ своимъ огнемъ.

Пришлось принять быстрыя мѣры противъ этой неожиданности.

Сейчасъ же три головныя роты были вызваны вправо и разсыпаны въ цѣпь. Знамя было передано изъ головной роты въ тыловыя и было приказано всѣмъ остальнымъ ротамъ не задерживаться, а укрываясь оврагомъ, продвигаться на сѣверъ, вызваннымъ же ротамъ—огнемъ прикрыть это отступленіе.

Къ сожалѣнію, это, отданное въ суматохѣ, приказаніе не было исполнено въ полности.

Три разсыпанныхъ роты (2 въ цѣпи и одна въ резервѣ) залегли за складкой мѣстности и уже готовы были открыть огонь, какъ случилось нѣчто совершенно неожиданное: мы всѣ замѣтили большую колонну нашихъ войскъ, которая почему-то стояла шагахъ въ 500 отъ насъ и немного лѣвѣе. Помню, что на меня эта колонна произвела такое впечатлѣніе, что какъ будто-бы она только что была остановлена съ цѣлью устроиться во время отступленія и съ цѣлью продолженія таковаго въ большемъ порядкѣ. Очевидно японцы, открывъ со стороны жел. дороги огонь по нашему полку, не пропустили и этой огромной колонны, которая представляла собою еще болѣе заманчивую для нихъ цѣль, чѣмъ длинная, двигающаяся, колонна нашего полка.

Первые моменты послѣ того, какъ мы были встрѣчены неожиданнымъ огнемъ, колонна стояла совершенно неподвижно, потомъ отъ нея начали отдѣляться одиночные люди, которые побѣжали въ нашу сторону, къ нимъ присоединились другіе,—побѣжали десятки, за ними сотни и, наконецъ, вся масса людей, заразившись очевидно паникой, покатила въ нашу сторону, закрывъ собою непріятеля, по которому мы только что хотѣли открыть огонь.

Командиръ одной изъ ротъ, разсыпанныхъ въ цѣпь, молодой и храбрый подпоручикъ С. сказалъ, обращаясь къ командиру полка: „г. полковникъ, разрѣшите мнѣ открыть огонь по этимъ бѣглецамъ“. Наши солдаты, видя эту огромную, стремящуюся на нихъ въ полномъ безпорядкѣ толпу обезумѣвшихъ людей, начали волноваться. Ротный командиръ другой разсыпанной роты былъ раненъ и, сидя на землѣ, болѣзненно стоналъ. Изъ офицеровъ остались только двое: подпоручикъ С. и прапорщикъ К., который черезъ минуту послѣ этого перешелъ въ вѣчность, съ обнаженной шашкой въ рукѣ и съ крикомъ „ура“. Пуля ударила бѣднягъ въ животъ, какъ разъ тогда, когда всѣ мы пошли въ атаку.

И такъ, подпоручикъ С. просилъ разрѣшенія объ открытіи огня по стремящимся къ намъ людямъ, но очевидно было, что огнемъ

здѣсь нельзя было помочь горю:—огонь уложилъ бы только сотни несчастныхъ людей и ни какой-бы пользы не принесъ. Этимъ людямъ нужно было собственнымъ примѣромъ показать, что ихъ страхъ преувеличенъ, нужно было ихъ подбодрить и воодушевить,—нужно было, словомъ, пожертвовать собою для общаго дѣла—и это было рѣшено. „Не стрѣляйте: и безъ того сегодня много смертей. Сейчасъ пойдемъ впередъ съ громкимъ „ура“ и этимъ, быть можетъ, намъ удастся ободрить смутившихся“, громко сказалъ полковникъ и, закричавъ, что было силы „ура-а-а-а“, бросился впередъ, всѣ наши люди дружно бросились за нимъ, обгоняя другъ друга и падая ранеными и убитыми.

Мы всѣ кричали что было мочи и бѣжали, увлекаемые нашими офицерами, но вотъ одинъ изъ нихъ—прапорщикъ К. упалъ, схватившись за животъ. Потомъ, подбѣжавшій къ нему на помощь солдатъ, рассказывалъ, что К. не долго жилъ; онъ былъ смертельно раненъ и умеръ тутъ же. Послѣднія его слова заключали просьбу—передать товарищамъ и семьѣ, что онъ умеръ, честно исполнивъ свой солдатскій долгъ.

Наше стремленіе впередъ все же не ободрило бѣжавшей противъ насъ толпы, и она по-прежнему съ неудержимымъ порывомъ стремилась къ Вазе, ища, очевидно, за стѣнами укрытія отъ огня. Вскорѣ толпа встрѣтилась съ нами. Мы видѣли, какъ мимо насъ мелькали потныя лица солдатъ, тяжело дышащихъ и напрягающихъ послѣднія усилія, чтобы какъ можно скорѣе добѣжать до деревни. Остановить эту массу было невозможно, и она, грохоча ногами, прокатилась сквозь нашу цѣпь, теряя на каждомъ шагу своихъ раненыхъ и убитыхъ.

Когда этотъ нестройный ураганъ пронесся мимо насъ, то и наши ряды значительно поубавились, но все же движеніе наше, до известной степени, принесло пользу, т.-к. японская пѣхота отхлынула за жел. дорогу, и пулеметъ тоже пересталъ дѣйствовать,—вѣроятно изъ боязни быть захваченнымъ.

Видя, что непріятель отхлынулъ, наши люди залегли, совершенно утомленные послѣ продолжительнаго бѣга и открыли рѣдкій огонь, хотя противника и не было видно, но онъ былъ гдѣ-то недалеко, потому что огонь съ его стороны не ослабѣвалъ.

Между тѣмъ въ Вазе и въ оврагѣ, который тянется на сѣверъ отъ этой деревни, царилъ полный хаосъ. Прибѣжавшая сюда огромная толпа обезумѣвшихъ людей наполнила собою всю деревню и оврагъ. Люди метались, не зная, что имъ предпринять и что дѣлать дальше. Находились нѣкоторые, не потерявшіе еще головы и старающіеся помочь общей бѣдѣ. Они кричали, собирая вокругъ

себя людей въ кучки, и намѣревались вести ихъ противъ невидимаго противника, который пронизывалъ своимъ губительнымъ огнемъ деревню со всѣхъ сторонъ. Эти собравшіяся кучки орали во все горло „ура“, подбадривая себя этимъ воинственнымъ крикомъ, но какъ только онѣ выходили изъ-за закрытій и попадали подъ огонь, такъ—паника снова охватывала этихъ людей, и они становились неспособными къ активнымъ дѣйствіямъ. Люди снова прятались за закрытія и царящій всюду хаосъ не уменьшался. А непріятель громилъ и громилъ Вазые, намѣреваясь, кажется, окончательно перебить всѣхъ людей, на долю которыхъ, благодаря причинамъ, которыя впоследствии освѣтитъ истиннымъ свѣтомъ исторія, выпало это невыносимо тягостное положеніе.

Находились такіе офицеры, и ихъ было не мало, которые старались ободрить людей и привести ихъ къ порядку, но и изъ ихъ усилій равнымъ счетомъ ничего не выходило.

Погасъ святой огонь въ сердцахъ людей, которые забыли завѣты, лежащіе въ основѣ нашей прежней военной доблести—завѣты, которыми мы были сильны во всѣхъ прежнія войны—завѣты, которые учили каждаго воина никогда не отступать передъ врагомъ. Въ эту же войну намъ только и говорили о томъ, что надо отступать возможно поспѣшнѣе и тайнственнѣе.

Вопли отчаянія слышались на каждомъ шагу. Многіе солдаты съ негодованіемъ бросали свои винтовки и брели неизвѣстно куда, вѣроятно, даже не сознавая, что они дѣлаютъ. Приходилось видѣть такихъ офицеровъ, которые, испробовавъ всѣ способы—поднять упавшій духъ людей и видя полное свое безсиліе—помочь горю, махнувъ рукою, шли въ какую-либо фанзу,—опять таки неизвѣстно зачѣмъ,—какъ бы намѣреваясь предаться отдыху. Это были, очевидно, временно помѣшавшіеся люди, потому что рассчитывать на отдыхъ при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ только безумецъ.

Помню одного молодца полковника Генеральнаго Штаба, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы собрать людей и устроить ихъ. Это ему, кажется, начало удаваться. Вдругъ появился какой-то никому неизвѣстный генералъ, окончательно потрясенный и убитый горемъ. Старикъ чуть не плакалъ, и вся его фигура изображала полную безпомощность. „Ребята, закричалъ молодецъ полковникъ: ура генералу,—онъ насъ поведетъ въ бой“. Но почти никто изъ людей не отвѣтилъ восторженнымъ крикомъ генералу: всѣ, вѣроятно, убѣдились въ томъ, что и на этого человѣка нѣтъ никакой надежды.

На каждомъ шагу валялись раненые; они, видя свое безпомощ-

ное положеніе, молили здоровыхъ людей, чтобы они помогли бы имъ выбраться изъ этого проклятаго мѣста, но никто на эти мольбы не обращалъ вниманія, потому что всѣхъ охватила тоска и отчаяніе.

Когда мы вернулись отъ ж. дороги снова въ Вазые и зашли въ оврагъ, тянущійся на сѣверъ, то застали здѣсь всю эту грустную и тяжелую картину. По восточному склону оврага, помню, расположилась наша пятая рота, и молодецъ ротный командиръ, который недавно отбилъ со своей ротой стремительныя атаки на редутъ въ Янсытунѣ, теперь былъ мраченъ и грустенъ. Онъ сознавалъ свою полную безпомощность—помочь общему горю, но, свято исполняя свой долгъ, все же держалъ своихъ людей въ сборѣ, дабы быть готовымъ встрѣтить съ ними всякую неожиданность. Люди этой роты были мрачны: они отлично сознавали свое почти безвыходное положеніе, спастись изъ котораго можно было только чудомъ.

Что больше всего насъ неприятно поразило—это то, что никто изъ нихъ не зналъ—куда пошли остальные роты полка и главное—гдѣ находится наше знамя. Въ общей суматохѣ рота эта, очевидно, отдѣлилась отъ полка, а потому ни ротный командиръ, ни солдаты ничего не могли намъ сказать опредѣленнаго. Можно было предположить, что знамя вмѣстѣ съ прочими ротами полка уже находится далеко отъ насъ, но оставалось еще два другихъ предположенія, а именно: знаменщикъ—ст. унт.-офиц. Кисловъ—человѣкъ надежный во всѣхъ отношеніяхъ, могъ быть убитъ еще тогда, когда мы пошли въ атаку, съ ассистентомъ могла приключиться подобная же исторія и, слѣдовательно, теперь знамя могло лежать гдѣ-нибудь между оврагомъ и ж. дорогой, а его вѣрные защитники и охранители спятъ тутъ же рядомъ съ нимъ вѣчнымъ и непробуднымъ сномъ. Второе, что можно было предположить—это то, что знамя наше находится гдѣ-либо въ деревнѣ, среди нестройной толпы, и знаменщикъ не знаетъ куда ему идти и что дѣлать. И вотъ, для выясненія этихъ вопросовъ былъ посланъ подп. С., который временно командовалъ 1 ротой и только что водилъ таковую въ атаку на насыпь.

Въ теченіе часа С. носился на своемъ конѣ вокругъ Вазые, объѣхавъ деревню со всѣхъ сторонъ, проѣхалъ онъ также по всѣмъ улицамъ деревни и нигдѣ знамени не нашель. Какъ онъ остался живъ—положительно не понимаю. Когда онъ возвратился, то лошадь его оказалась раненой,—самъ же онъ былъ невредимъ. Какъ не вѣрить послѣ этого въ предопредѣленіе:—иной выйдетъ цѣлымъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ спасеніе кажется невозможнымъ, а иного убиваетъ на повалъ послѣдняя, пущенная на удачу пуля.

Можно было, слѣдовательно, быть увѣреннымъ въ томъ, что знамя наше присоединилось къ прочимъ ротамъ полка и вмѣстѣ съ ними двигается постепенно на сѣверъ. День уже сильно клонился къ вечеру, и намъ ничего больше не оставалось дѣлать, какъ постараться выбраться изъ этой проклятой деревни и идти на сѣверъ.

Мы пошли по дну оврага, но вскорѣ онъ кончился и пришлось идти по ровному и открытому полю. Съ двухъ сторонъ насъ обстрѣливалъ непріятель и намъ пришлось пролѣзть черезъ горлышко бутылки, стѣнки которой представляли собою непріятеля. Хорошо еще то, что онъ не догадался заткнуть эту бутылку пробкой, а оставилъ для насъ узенькій проходъ, къ которому мы и подошли уже тогда, когда на землю спустилась темная ночь. Такъ какъ все время мы шли очень тонкимъ строемъ, то люди сильно растянулись, и вотъ когда уже окончательно стемнѣло, то мы снова подошли къ ж. дорогѣ, и теперь у насъ было двѣ руководящихъ нити, держась за которыя, мы не могли сбиться съ направленія: первая нить была на землѣ и представляла собою полотно ж. дороги, вторая же свѣтила намъ съ неба въ видѣ полярной звѣзды.

Пройдя на нѣкоторое разстояніе по переходѣ полотна ж. дороги и не тревожимые уже огнемъ противника, мы остановились въ совершенной темнотѣ для того, чтобы дать возможность подтянуться отставшимъ. Каждую секунду мы рисковали быть внезапно атакованными находящимся по близости непріателемъ. Почему они насъ не атаковали—трудно понять; вѣроятно, и они были утомлены до невозможности.

Продолжая дальнѣйшій путь, мы нагнали наконецъ какіе-то обозы, парки и артиллерію. Все было перемѣшано: повозки, лошади, орудія, ящики—все это медленно ползло подъ покровомъ ночи широкой полосой. Хаосъ въ этой живой массѣ царилъ невѣроятный. Разобраться и навести здѣсь какой-нибудь порядокъ было невозможно. Между рядами повозокъ шли разстроенныя вереницы пѣхотинцевъ. Какихъ частей были эти люди—неизвѣстно—вѣроятно разныхъ, и все ползло усталое, голодное и озлобленное на неудачу. Духъ разложенія проникъ въ этотъ потокъ живыхъ существъ и стоило только въ темнотѣ щелкнуть какому-нибудь одиночному выстрѣлу, какъ начиналась сейчасъ же беспорядочная пальба въ воздухъ. Не знаю, были ли при этомъ жертвы отъ своего же огня, но трудно допустить, чтобы ихъ не было. Обозные и артиллеристы начинали неистово нахлестывать своихъ коней и неслись опроретью впередъ, сами не зная куда, давя людей, ломая повозки и падая въ какую-нибудь промоину или въ оврагъ. Что бы было съ этой нестройной массой, если бы какой-нибудь непріятельскій конный

полкъ налетѣлъ и началъ бы тутъ хозяйничать. Общая гибель была бы неизбежна, но Богъ помиловалъ и японской кавалеріи не было по близости, а пѣхота ихъ, вѣроятно, тоже не могла уже волочить своихъ ногъ отъ усталости.

Такъ цѣлую ночь и весь слѣдующій день мы провели въ походѣ среди подобнаго хаоса и все не могли настигнуть нашего знамени, но надежда на то, что оно гдѣ-нибудь около Тѣлина, не покидала насъ.

Наконецъ, часовъ въ 11 ночи 26 февраля мы подошли къ ж.-дорожному мосту, переброшенному черезъ р. Тафан-хэ, протекающую верстахъ въ 12 южнѣе Тѣлина.

Ноги перестали уже намъ повиноваться, и мы въ изнеможеніи повалились около казармы пограничной стражи на крутомъ берегу рѣки.

Самая казарма была переполнена людьми, желающими найти себѣ здѣсь хоть какой-нибудь пріютъ и хотя немного обогрѣться. Такъ какъ здѣсь были какіе-то доктора и сестры, то командиръ нашъ пошелъ въ казарму перевязаться и, выйдя потомъ снова къ намъ, сказалъ, что будемъ ночевать здѣсь, и мы моментально всѣ заснули свинцовымъ сномъ, не обращая уже больше вниманія на непрерывно тянущуюся мимо насъ вереницу людей, лошадей и повозокъ, спѣшившихъ какъ можно скорѣе переправиться черезъ ж.-дорожный мостъ на ту сторону рѣки.

Рано утромъ на другой день мы также перешли черезъ мостъ и тронулись дальше въ надеждѣ наконецъ настигнуть прочія части нашего полка со знаменемъ. Не успѣли мы отойти и двухъ верстъ отъ моста, какъ къ командиру прибѣжалъ солдатъ и съ радостнымъ лицомъ доложилъ, что и полкъ находится недалеко отсюда, а при немъ и знамя. Сейчасъ же мы остановились, и впередъ были посланы люди, съ приказаніемъ разыскать полкъ и привести его сюда. Не прошло и часа, какъ полкъ подошелъ, и мы увидѣли, наконецъ, свое знамя. У всѣхъ отлегло отъ сердца.

Оказалось, что знаменщикъ едва избавился отъ бѣды: пуля пробила ему сапогъ въ подъемѣ, слегка поцарапавъ ногу. Ассистентъ же унт.-оф. Эртъ былъ смертельно раненъ въ то время, когда наши роты пошли въ атаку. Знаменщикъ остался одинъ и, благодаря подп. О., вышелъ изъ бѣды и сохранилъ полку его святыню.

Помню, несмотря на всю удрученность нашего настроенія, мы воспрянули духомъ и мысленно поблагодарили Бога за то, что Онъ сохранилъ и помиловалъ полкъ вмѣстѣ со знаменемъ.

Начали считать оставшихся людей и оказалось, что всего осталось 614 человекъ,—остальные легли подъ Мукденомъ, за время двухъ-недѣльнаго боя.

Тутъ же получило извѣстіе, что прочіе полки нашей дивизіи во главѣ съ начальникомъ ея находятся въ двухъ верстахъ къ югу отъ Тафан-хэ и стоятъ тамъ на позиціи, дабы задерживать напоръ противника и тѣмъ дать возможность всѣмъ обозамъ совершить переправу черезъ ж.-дорожный мостъ, то очевидно и намъ надлежало присоединиться къ дивизіи.

На югѣ уже грохотали орудія, изъ чего и можно было заключить, что японцы напираютъ.

Верстахъ въ двухъ къ югу отъ Тафан-хэ, мы дѣйствительно застали нашу дивизію, съ начальникомъ ея на позиціи, при чемъ начальникъ дивизіи, сидя на насыпи ж. дороги, спокойно диктовалъ какія-то приказанія начальнику штаба. Артиллерія изрѣдка стрѣляла, пѣхота стояла въ полной готовности къ бою, но непріятель, видимо, не насѣдалъ, потому что ружейнаго огня не было.

Намъ было приказано остановиться у полотна дороги за центромъ боевого порядка и, если понадобится, то поддержать одинъ изъ фланговъ.

До двухъ часовъ ночи простояли мы на этой позиціи, а потомъ было приказано отходить за рѣку и занять позицію на сѣверномъ ея берегу.

Съ утра 28 февраля и по ночь со 2 на 3 марта мы простояли на правомъ флангѣ этой позиціи—около башни кирпичнаго завода. Непріятель неоднократно пытался подходить къ намъ, но наша артиллерія всегда прогоняла его передовыя части. Временами японцы открывали изрядную канонаду по нашему расположенію, но ничего энергичнаго въ ихъ дѣйствіяхъ не проглядывало:—бросать десятка три-четыре горныхъ снарядовъ и затѣмъ замолчать;—появятся впереди какіе-то пѣхотинцы, осторожно пробирающіеся въ нашу сторону, но и они скроются, лишь только передъ ними лопнетъ наша шрапнель.

Вечеромъ 2 марта непріятель началъ проявлять довольно энергичную дѣятельность. Къ югу отъ нашего расположенія верстахъ въ 3—4 тянулся довольно высокій горный кряжъ, и вотъ отлично было видно, какъ на немъ появились какіе-то всадники, и вслѣдъ за ними почти карьеромъ влетѣла батарея, сдѣлавъ ловкій и лихой заѣздъ на гребнѣ горы. Какой-то офицеръ, очевидно батарейный командиръ, долго стоялъ и разсматривалъ въ бинокль разстилавшуюся передъ нимъ мѣстность. Наши люди были заняты въ это время устройствомъ окоповъ, и такъ какъ работы эти могли быть замѣчены со столь прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ артиллерійской позиціи, то было приказано работы сейчасъ же прекратить и людямъ спрятаться въ окопы.

Уже подь вечерь 2 марта началась довольно сильная артиллерійская канонада. Японцы открыли огонь по частямъ войскъ, стоящимъ правѣ насъ. Наша артиллерія начала отвѣчать имъ, но почему-то снаряды наши рвались все у подножья той возвышенности, на которой расположилась ихъ батарея. Вѣроятно подь горой двигалась ихъ пѣхота, но намъ не было ее видно, потому что мѣшали сады безчисленныхъ деревень, которыя почти сплошь усѣяли эту мѣстность. Непрiятельскіе снаряды рвались удачно, и намъ было видно, что на нашемъ правомъ флангѣ происходитъ какое-то усиленное движеніе: нѣкоторыя части отходили назадъ, а нѣкоторыя шли впередъ.

Полная неопредѣленность во всемъ этомъ заставляла насъ зорко присматриваться къ мѣсту боя и, конечно, очищеніе нашими войсками праваго фланга ставило насъ въ крайне опасное положеніе.

День клонился къ вечеру, и передъ наступленіемъ темноты бой затихъ. Мы всѣ были увѣрены, что къ утру японцы поставятъ на всѣхъ командующихъ высотахъ артиллерію и начнутъ разстрѣливать насъ съ фронта, такъ равно и съ фланговъ. Всѣ мы приготовились къ новому кровавому бою, находясь, по обыкновенію, въ полномъ невѣдѣніи относительно численности нашихъ войскъ, ихъ расположенія и той задачи, которая на нихъ была возложена. Мы не знали—гдѣ находится наша многострадальная вторая армія: задержится ли она на тѣлинскихъ позиціяхъ, или она уже отошла за Тѣлинь, а мы оставлены здѣсь для прикрытія ея отхода. Мы знали одно, что правѣ насъ стоялъ батальонъ Семипалатинцевъ, но теперь и ихъ не было, и куда они ушли, никто изъ насъ не зналъ.

Удивительная темнота всегда окружала насъ со всѣхъ сторонъ въ теченіе всей этой кампаніи. За весь періодъ боевой дѣятельности не припомню ни одной отданной своевременно диспозиціи. Не знаю—получались ли онѣ въ полковомъ штабѣ, но до насъ—и. чиновъ—онѣ не доходили, и мы вѣчно блуждали въ потемкахъ. Кто въ этомъ виновать—судить не намъ, но думаю, что и штабъ нашей дивизіи очень рѣдко былъ освѣдомленъ своевременно по части обстановки, и такая же тьма окружала его.

Вотъ и теперь: — непріятель очевидно надвинулся на насъ, мы ясно видѣли его приготовленіе къ бою — къ серьезному и рѣшительному, но обстановка для насъ продолжала быть совершенно невѣдомой. И это послѣ всего пережитаго, когда нервы у людей измотались.

Винятъ войска въ тѣхъ неудачахъ, которыя постигли Россію во время этой войны;—говорятъ и пишутъ, что подготовка войскъ была слаба, что развитіе нашего солдата значительно ниже, нежели

японскаго; — указываютъ при этомъ даже на такіе факты, что каждый японскій солдатъ носить въ своемъ ранцѣ зубочистку, имѣя полное понятіе о примѣненіи таковой къ дѣлу, тогда какъ нашъ сѣрый солдатъ имѣетъ понятіе только о зуботычинѣ... Куда же намъ противъ нихъ... Мы сѣры, они—бѣлы, мы оборванцы, они—щеголи, мы неотесанные увальни они—ловкачи и гимнасты... Все это, быть можетъ, и имѣетъ нѣкоторую подь собою почву, но ставить приговоръ, опираясь только на эти данныя, слишкомъ жестоко и несправедливо. Мы проиграли эту войну не потому, что были хорошо знакомы съ зуботычиною и не имѣли никакого понятія о зубочисткѣ, а потому, что всюду и вездѣ намъ приказывали отступать,—безъ всякой надобности—отступать. Удивительно,—какъ до сихъ поръ ни литература, ни общественная молва какъ бы старается не замѣчать этой главнѣйшей причины нашихъ неудачъ.

Чтобы тамъ ни писали корреспонденты въ газетахъ и журналахъ, сидя на мягкихъ диванахъ роскошнаго вагона, все же я, какъ участникъ и очевидецъ всѣхъ страданій, выпавшихъ на долю нашей арміи, всѣхъ ея слезъ, разочарованій и огорченій—все же я скажу, что эта многострадальная, сѣрая и неуклюжая армія лучше той, которая одерживала надъ ней блестящія побѣды и одерживала ихъ не въ силу своихъ особенныхъ доблестей и достоинствъ, а потому что надъ нами тяготѣлъ Великій и Святой мечъ Божіей правды, который долженъ былъ нанести намъ глубокую кровавую рану, который долженъ былъ разсѣчь какой-то гнойный и отвратительный нарывъ, гдѣ-то назрѣвшій и готовый заразить своимъ гноемъ весь организмъ Россіи.

И этотъ нарывъ былъ разсѣченъ—и съ самаго начала войны все шло къ тому, чтобы врагъ могъ торжествовать свою побѣду. Самый планъ войны въ основѣ своей вѣщалъ намъ про наше пораженіе—онъ говорилъ за то, что духъ арміи будетъ въ концѣ концовъ убитъ, и сила ея должна сломиться и что могучая и стойкая армія въ концѣ концовъ станетъ больною и почти неспособною къ активной дѣятельности, а послѣ Мукдена она и стала таковою.

Я не говорю уже про то, что посылка на театръ войны частей, сколоченныхъ изъ разныхъ сборныхъ командъ, не имѣющихъ никакой внутренней спайки, только ухудшила въ общемъ составъ нашихъ прекрасныхъ сибирскихъ полковъ (пусть этотъ грѣхъ лежитъ на совѣсти тѣхъ, кто этимъ дѣломъ вѣдалъ), но и самый ходъ войны — эти постоянныя и несносныя отступленія, несомнѣнно всегда деморализующія духъ арміи, должны были въ концѣ концовъ привести къ катастрофѣ. Тюренченъ—эта альфа кампаніи,—

сраженіе, которое давало намъ первое знакомство съ нашимъ противникомъ, ведется не для того, чтобы отстоять во что бы то ни стало позицію за собою, а только для того, чтобы пострѣлять и уйти.

И въ данномъ случаѣ, совершенно не считаются съ тѣмъ, что вѣдь это первое наше столкновение съ непріятелемъ, и что лучше всѣмъ не прибѣгать къ нему, чѣмъ закончить его такимъ позорнымъ для перваго почина актомъ. Ляоянь—эта колоссальная битва двухъ народовъ,—битва, во время которой воодушевленіе русскихъ солдатъ доходитъ до того, что они режутъ въ окнахъ громоподобное „ура“, видя, что побѣда за ними—и вотъ, какая-то часть, составленная почти сплошь изъ сорокалѣтнихъ бородачей—запасныхъ, оставившихъ на далекой родинѣ свои бѣдныя семьи, поколеблена, и эта часть рѣшаетъ участь, боя—и всѣмъ приказываютъ отступить. Вѣдь солдаты не вѣрили этому и не хотѣли отходить, они сознавали, что ихъ сила взяла, что еще маленькое усиліе,—еще полчаса стойкости, и непріятель побѣжитъ отъ насъ, какъ бѣжитъ, отъ скалы разбившаяся объ нее волна. Но имъ приказали отходить, и они ушли униженные и оплеванные и унесли въ сердцахъ своихъ сомнѣніе въ томъ, что имъ когда-нибудь разрѣшатъ побить непріятеля. А дальше Шахэ и Сандецу—все это какіе-то кошмары — запутанные и непонятные. Снова непріятель напрягаетъ свои послѣднія усилія—снова побѣда такъ близка, но намъ говорятъ: отступайте какъ можно скорѣе, незамѣтнѣе отступайте, иначе всѣхъ васъ перерѣжутъ, какъ барановъ. И мы отходимъ, еще болѣе опечаленные и поколебленные духомъ. Наконецъ этотъ двухнедѣльный Мукденскій бой безпримѣрный въ исторіи. Здѣсь насъ начинаютъ пугать какимъ-то Седаномъ, который, какъ кошмаръ, давить „мозгъ“ нашей арміи. Но при этомъ не хотятъ понять почему-то,—что въ этомъ самомъ „Мукденскомъ Седанѣ“ и заключалась бы неминуемая гибель нашего противника. Забываютъ про то, что въ Мукденѣ огромные запасы, про то, что съ сѣвера уже надвигается 40.000-я масса свѣжихъ штыковъ,—про то, что, будучи окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и имѣя въ Мукденѣ огромные резервы, мы могли бы легко въ любомъ мѣстѣ прорвать сравнительно слабое и уже сильно надломленное предыдущими боями непріятельское кольцо, — могли расчлениить его и разбить по частямъ, поддержанные 40.000-й массой свѣжихъ штыковъ съ сѣвера.

И это, выгодное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе почему-то становится непонятнымъ для насъ и его замѣняютъ другимъ, невозможнымъ къ выполненію, и рѣшаются сжечь все въ Мукденѣ, бросить

тамъ лазареты, 20.000 пьяницъ и приказать арміи, паркамъ и обозамъ спѣшно отходить, держа направленіе на полярную звѣзду (по-просту удирать), и еще рассчитываютъ, что эта армія „авось“, какъ-нибудь выпутается изъ трудныхъ обстоятельствъ. И она уходитъ подъ разстрѣломъ, лезетъ черезъ „горло бутылки“ нестройная, полубезумная, исполненная грусти и отчаянія и неспособная уже къ бою, а за нею летятъ комки грязи, брошенные ей въ слѣдъ рукою общественнаго мнѣнія, воспитаннаго хлесткимъ перомъ газетнаго репортера.

И этой арміи—этимъ мученикамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ тяжесть чужихъ грѣховъ, кричатъ, что она не на высотѣ своего положенія, что она дика и некультурна,—что она, только она несчастная виновата въ томъ позорѣ, который по справедливому гнѣву Божию суждено было пережить Россіи; кричатъ: долой эту поганую армію—не нужно намъ этихъ дармоѣдовъ—дайте намъ милицію вмѣсто этихъ сѣрыхъ солдатъ, а вмѣсто невѣжественныхъ офицеровъ мы поставимъ въ ряды этой милиціи людей съ университетскимъ образованіемъ, людей, которые отлично понимаютъ—что такое значитъ слово свобода во всѣхъ его значеніяхъ—и тогда,—о тогда свѣтъ узнаетъ про нашу силу и мощь. И это кричатъ люди, которые не были очевидцами всего того, что здѣсь было, которые не жили одною жизнью съ нашимъ сѣрымъ и некультурнымъ солдатомъ, которые не видѣли, какъ онъ несчастный по ночамъ на 25^о морозѣ мерзъ въ своемъ окопѣ, сжимая въ рукахъ заиндѣвѣвшую винтовку, не видѣли, какъ стойко онъ дрался, отбивая всѣ атаки противника, какъ онъ умиралъ: такъ скромно, безропотно, покорный судьбѣ и вѣруя свято своей некультурной душой, что Богъ его проститъ и не оставитъ за гробомъ, потому что онъ честно сдѣлалъ свое солдатское дѣло; не видѣли эти люди—эти крикуны—какъ нашъ солдатъ гуманенъ по отношенію поверженнаго врага, какъ онъ дѣлился съ этимъ врагомъ своимъ послѣднимъ сухаремъ, послѣднимъ кускомъ сахара, какъ онъ несъ на рукахъ раненаго врага, прижимая его къ сердцу, какъ мать прижимаетъ больного ребенка. Если бы хоть кто-нибудь изъ г.г. корреспондентовъ пожаловалъ бы въ наши окопы подъ Чжаньтанемъ, или побывалъ бы въ заваленномъ трупами редутѣ № 8 подъ Янсытунемъ, то навѣрно у него оказался бы безконечно большой запасъ наблюденій, которыми можно было бы подѣлиться съ публикой, но почему-то никто изъ корреспондентовъ не былъ ни разу у насъ—на боевыхъ позиціяхъ праваго фланга, да еще въ то время, когда солнце меркло отъ дыма и пыли разрывающихся снарядовъ. Конечно удобнѣе было любоваться на все это въ прекрасный бинокль и потомъ описывать

свои впечатлѣнія о томъ, какъ красиво заходило солнце,—какъ граціозно проектировались на глубокомъ небѣ дымки рвущихся шрапнелей, или же вскользь упоминать о томъ, что вамъ удалось побывать даже и въ окопахъ, гдѣ и зайти въ землянку къ знакомому офицеру и какъ этотъ офицеръ обрадовался вашему посѣщенію и накормилъ васъ яичницей и напоилъ коньякомъ. (Очевидно, эти умилительныя картинки могли происходить только во время затишья, потому что какая же, въ самомъ дѣлѣ, мыслима яичница въ пылу боя). И вотъ дальше этой „яичницы“ и ей подобныхъ „богохуленій“—вы не шли въ своихъ замѣткахъ съ „театра военныхъ дѣйствій“ и съумѣли воспитать нашу въ достаточной степени довѣрчивую публику только на этой „яичницѣ“, а она (публика) на всю войну смотритъ теперь безъ надлежащаго проникновенія въ неизмѣримыя глубины этого величайшаго событія, продиктованнаго на страницахъ исторіи Божественнымъ Промысломъ.

И все же, какія бы хуленія и пасквили ни возводились бы на нашу сѣрую и нещеголеватую армію, я скажу, что она въ нравственномъ отношеніи и культурнѣе и гуманнѣе, нежели армія нашего противника.

Словъ нѣтъ: не всякій изъ нашихъ солдатъ могъ начертить обстоятельное кроки, или написать толковое донесеніе, но за то нашъ солдатъ не занимался писаніемъ подметныхъ оболъстительныхъ писемъ, какъ это дѣлали японскіе солдаты; за то нашъ солдатъ проявлялъ несравненно больше гуманности по отношенію поверженнаго врага, нежели японецъ, а степень гуманности несомнѣнно есть указатель степени нравственной культуры.

Послушайте рассказы плѣнныхъ, и вы увидите, что тѣ люди, о культурѣ которыхъ судятъ по „зубочисткамъ“, совсѣмъ не культурны, что это—азіаты злые и коварные, вѣчно плѣняющіе васъ своею заискивающей улыбкою и способные также ласково и привѣтливо улыбаться въ то время, когда они будутъ драть съ васъ кожу.

Умственное развитіе японскихъ офицеровъ, по отзывамъ людей, близко соприкасавшихся съ ними, находится только лишь на посредственномъ уровнѣ и въ вопросахъ обще-научныхъ они слѣпы и скучны. А сколько у насъ среди офицеровъ вы встрѣтите живыхъ, интересныхъ и скромныхъ собесѣдниковъ, надо знать нашего офицера и не писать про него изъ номера харбинской гостиницы, въ которой можно было встрѣтить немало отрицательнаго элемента изъ рядовъ арміи.

Мы проиграли войну не потому, что нашъ солдатъ и офицеръ сѣръ, грязенъ, пьянъ и развратенъ (какая это ложь!), а потому,

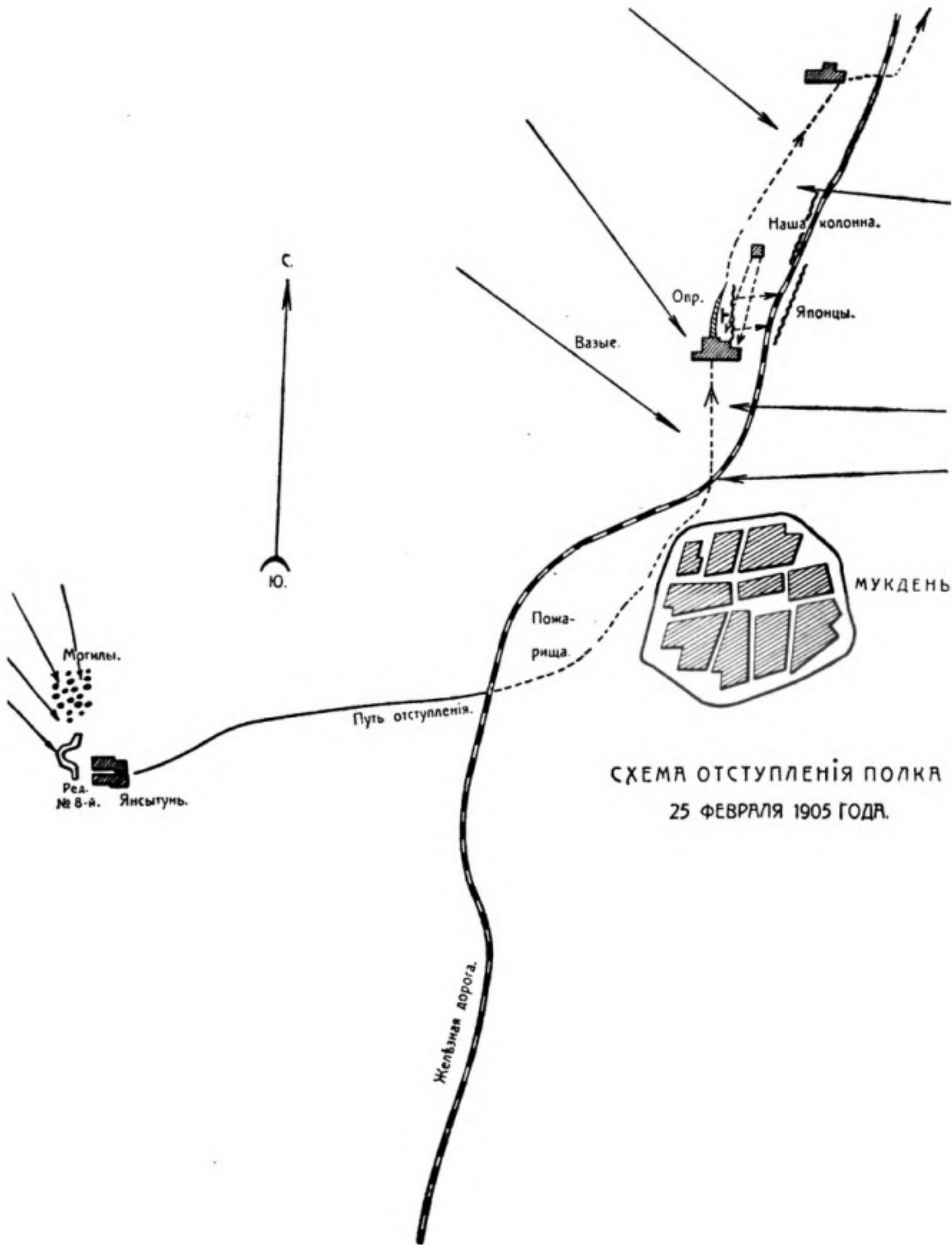


СХЕМА ОТСТУПЛЕНИЯ ПОЛКА
25 ФЕВРАЛЯ 1905 ГОДА.

что надъ нашими желѣзными легионами не виталъ суворовскій и скобелевскій геній; не зажигалъ этотъ безсмертный геній простого солдатскаго сердца священнымъ огнемъ воинскаго порыва и отваги и наоборотъ:—въ то время, когда сердце само рвалось изъ груди—само просилось на подвигъ, то другой „геній“ приказывалъ ему умѣрить стремленіе, потому что его порыву не будетъ дано орлинаго полета и что изъ мощнаго орла ему приказано превратиться въ вѣчно пятащагося назадъ, пресмыкающагося и трусливаго рака.

И это дѣлалось во имя какихъ-то стратегическихъ принциповъ истолкованныхъ неправильно,—дѣлалось во имя боязни какихъ-то „Седановъ“ и тому подобныхъ катастрофъ и дѣлалось безъ особыхъ размышленій надъ вопросомъ о духѣ арміи, который всѣми силами, всѣмъ напряженіемъ генія нужно поддерживать и развивать, а не убивать.

Вотъ причина нашихъ неудачъ.

Плачь же, бѣдная страна, и кайся, кайся передъ Богомъ, потому что Онъ повелѣлъ отлетѣть отъ твоихъ сыновъ, посланныхъ тобою на поля Маньчжуріи, безсмертному генію войны, всегда витавшему надъ твоими легионами, когда они становились грудью на защиту чести твоей.

Въ два часа ночи со 2-го на 3-е марта мы, получивъ приказаніе, начали отходить къ Тѣлину для того, чтобы бросить этотъ городъ,—бросить укрѣпленія, близъ него возведенныя, и отдать все это безъ боя противнику, вмѣстѣ съ нѣкоторыми запасами, которые не успѣли вывезти. Отходили мы унылые и подавленные, съ сознаниемъ, что теперь все уже потеряно, и что нѣтъ намъ возврата къ лучшему будущему. На всѣхъ окружающихъ Тѣлинь горахъ горѣли огромные костры, и мы не знали кто зажегъ ихъ—наши ли войска или японцы. По обыкновенію полный мракъ и полное невѣдѣніе окружало насъ со всѣхъ сторонъ и временами начинало казаться, что про насъ совсѣмъ забыли, бросивъ насъ однихъ на произволь судьбы въ самомъ хвостѣ уже ушедшей раздавленной и потерянной арміи. Я шелъ позади командира полка, который усталый и измученный, держа руку на перевязи, старался бодро шагать впереди своего полка. Ночь была темная и дорога чуть была видна. Тяжелая винтовка и безобразный мѣшокъ давилъ на плечи и усталыя ноги совершенно машинально плелась по дорогѣ, спотыкаясь безпрестанно на ея неровностяхъ.

И вдругъ все преобразилось предъ моими глазами: мракъ сразу исчезъ, и я увидѣлъ, что все пространство до самыхъ горъ какъ-то

вдругъ загорѣлось какимъ-то страннымъ свѣтомъ. Я съ ужасомъ увидѣлъ, что все это освѣтившееся пространство наполнено какими-то живыми существами, которыя витають въ немъ по всѣмъ направлѣнiямъ, скользя и между рядами идущей тутъ же пѣхоты и между лошадьми и орудiями громыхающей въ сторонѣ отъ насъ артиллерiи. Я услышалъ вдругъ громовой - сатанинскiй хохотъ, потрясшiй собою весь горизонтъ и издаваемый этими безчисленными и злыми фантомами, наполняющими собою все пространство отъ одного края неба до другого. Этотъ адскiй хохотъ потрясалъ собою, кажется, землю—на столько онъ былъ громокъ и ужасенъ, но люди шли и не слышали его.

Ужасъ напалъ на меня, и я, какъ снопъ, повалился на дорогу, ударивъ, кажется, свалившейся винтовкой идущаго рядомъ товарища.

Очнулся я въ госпиталѣ и вскорѣ, оправившись, вернулся снова въ полкъ тогда, когда онъ стоялъ уже къ югу отъ Сипингая и каждый день ждалъ нападенiя японцевъ.

Тяжелое было время, какъ это и бываетъ на войнѣ, но въ настоящую войну тяжесть эта была особенно ощутительна, потому что никто не видалъ проблеска въ будущемъ.

Почемъ знать, быть можетъ намъ суждено пережить еще болѣе трудное время, когда всѣ эти бои, эти груды труповъ и лужи крови покажутся игрушками и когда надъ нами будетъ раздаваться еще болѣе грозный сатанинскiй хохотъ, которымъ засмѣются всѣ невидимыя намъ силы, старающiяся совратить насъ на путь зла и выражающiя свою радость по случаю достигнутаго ими успѣха этимъ всепотрясающимъ, отвратительнымъ хохотомъ.

Н—чъ.

